

“Су Ман-эр? Ты... Ты...”

Ли Цуй Хуа теперь заикалась. Она посмотрела на Су Ман-эр, как будто увидела привидение, и сказала:

“Почему ты здесь? Я думала, ты была.....”

“О чем ты говоришь? Почему я не могу быть здесь? Если бы меня здесь не было, где бы я была?”

Су Ман-эр подошла к Ли Цуй Хуа и посмотрела на нее.

Ли Цуй Хуа ахнула.. Она посмотрела на хижину, затем снова на Су Ман-эр, затем хлопнула себя по бедру и сказала:

“О, я поняла. Ты ведь уже вышла, не так ли? Ты знала, что мы здесь, чтобы поймать тебя и Чжао Дашуня вместе, поэтому ты вышла раньше!”

Су Ман-эр холодно посмотрела на нее.

Ее голос понизился. Холодно и четко выговаривая каждое слово, она сказала:

“Тетя, о чем ты говоришь? У кого роман с Чжао Дашунем? Я знаю, тебе никогда не нравилась наша ветвь семьи, но ты не можешь просто так опорочить мое имя. Разве ты не знаешь, как важна для женщины репутация? Что ты делаешь с моей репутацией, когда так оскорбляешь меня?”

“Кто... кто тебя оскорбляет? У тебя роман с Чжао Дашунем! Сяо Я Дань все это видела! Она видела, как вы с Чжао Дашунем вместе вошли в хижину, и что вы двое...”

“О, да? Сяо Я Дань? Кто такая Сяо Я Дань? Она сейчас здесь?” Су Ман-эр холодно оглядела толпу и спросила.

Жители деревни немедленно подтолкнули вперед девочку лет 10 или около того и громко сказали: “Это Сяо Я Дань, и именно она сказала, что у тебя роман с Чжао Дашунем!”

Су Ман-эр сурово посмотрела на Сяо Я Дань. Бросив на нее пару взглядов, она небрежно спросила: “Так ты и есть Сяо Я Дань? Почему ты сказала, что видела, как мы с Чжао Дашунем вместе вошли в хижину?!”

Сяо Я Дань уже было напугано, когда она увидела Су Ман-эр. Теперь слушая вопросы от Су Ман-эр, она начала паниковать.

Она прикусила язык и пробормотала: “Я... я...”

Ху Юцзяо, выглядевшая немного мрачной, продолжала подавать сигналы Сяо Я Дань и хотела сказать ей, чтобы она ничего не говорила.

Но Сяо Я Дань сейчас не обращало на нее никакого внимания. Она смотрела только на Су Ман-эр и боялась ее.

“Я надеюсь, что ты будешь говорить правду, а не лгать! Ты знаешь, что лжецы попадут в ад после того, как умрут, и их языки будут отрезаны”, - беззаботно сказала Су Ман-эр, и ее тон был спокойным, но холодным.

Сяо Я Дань содрогнулась от страха.

Ее глаза были полны страха, а лицо немного побледнело.

Отрежут языки ...

Это, должно быть, очень больно, а она смертельно боится боли.

Жан Юфэн, мать Сяо Я Дань, тоже была там.

Жан Юфэн взглянула на свою собственную дочь и уставилась на Су Ман-эр. “Кого ты пытаешься напугать? Моя Сяо Я Дань никогда бы не солгала! Если она сказала, что видела, как Чжао Дашунь и тыходишь в хижину, то это должно быть правдой!”

“Ну, если это правда, то почему она паникует?!” Это сказал Чи Юнь Чен. Он холодно посмотрел на реакцию Сяо Я Дань.

Все посмотрели на Сяо Я Дань и прикусили языки. Судя по тому, как выглядела Сяо Я Дань, что-то случилось. Казалось бы, в конце концов, ее слова были не такими уж правдивыми.

Жан Юфэн стиснула зубы. Она хотела соврать сквозь зубы, но Чи Юнь Чен снова холодно спросил у Сяо Я Дань: “Так почему ты сказала, что видела, как моя жена вошла в хижину с Чжао Дашунем? Скажи мне правду сейчас же!”

Толпа также начала замечать, что в этом было нечто большее, и все начали помогать Чи Юнь Ченю уговаривать Сяо Я Дань:

“Я Дань, почему бы тебе не сказать это. Давай. Скажи правду. Если нет, то ваш язык будет отрезан Черно-белым Непостоянством*, когда вы отправитесь в ад. Ты станешь немой, как только тебе отрежут язык”.

*Черно-белое непостоянство - божества народной религии Китая, сопровождающие душу мертвых на тот свет.

“Вот именно, Сяо Я Дань, ты хочешь быть немой?”

Сяо Я Дань побледнела от всего, что ей говорили другие.

В конце концов, она была всего лишь десятилетней маленькой девочкой и жила в такой маленькой деревне, как эта. У нее не было большого кругозора, и она была очень восприимчива к запугиванию.

После того как толпа напугала ее, она была готова расколоться.

Когда Ху Юцзяо увидела, что Сяо Я Дань вот-вот треснет под давлением, и скажет правду, она быстро прикусила губы и нежно сказала: “Мы больше не должны давить на Сяо Я Дань. Она всего лишь ребенок. Не нужно травмировать ее”.

Жан Юфэну это очень понравилось, и она сразу же вмешалась: “Точно. Я привлеку вас всех к ответственности, если моя дочь получит травму!”

Ли Цуй Хуа взглянула на Ху Юцзяо и сказала с улыбкой: “Моя Юцзяо такая добрая. Она всегда внимательна к другим. Не то что эта Су Ман-эр, угрожает ребенку!”

Гу Чунь Мэй тоже вмешалась: “Это верно. Юцзяо такая милая девушка. Она не из тех, с кем кто-то другой мог бы сравниться”. Сказав это, она бросила на Су Ман-эр презрительный взгляд.

Су Ман-эр ничего не сказала. Она только усмехнулась.

Ху Юцзяо, слушая комплименты других людей в ее адрес, опустила голову. С мягким и нежным взглядом она сказала: “Я просто не хочу, чтобы ребенок пострадал, вот и все”.

Посмотри, какая она добрая! Она была практически спасительницей!

Су Ман-эр взглянула на этого спасителя и хихикнула про себя. Движением запястья она подтолкнула открытую ладонь к Сяо Я Дань и тихо пробормотала: “Иди!” И с этими словами невидимый фулу ударил Сяо Я Дань.

Сяо Я Дань, пораженная фулу, начала кричать через три секунды.

Она в страхе уставилась прямо перед собой, и ее зрачок сузился.

“Не отрезай мне язык! Пожалуйста, не отрезай мне язык! Я скажу правду! Это была сестра Юцзяо... Это сестра Юцзяо попросила меня сделать это. Она дала мне пятьдесят центов, чтобы я сказала это про жену брата Юнь Ченя. Я сделала это только потому, что сестра Юцзяо попросила меня об этом. Тебе нужно пойти к ней, а не ко мне!”

В этот момент Сяо Я Дань увидела двух мужчин высотой с дом, идущих к ней.

Они были Черно-Белым Непостоянством; за исключением того, что они были всего лишь плодом ее воображения.

Фулу, которую Су Ман-эр применила к ней ранее, была фулу воображения.

Когда фулу был привязан к отдельному человеку, они видели то, чего больше всего боялись.

Прямо сейчас, самой страшной вещью для Сяо Я Дань было Черно-Белое Непостоянство, вот почему она увидела их после того, как фулу был прикреплен к ней.

Слова Сяо Я Дань на несколько секунд заставили окружающих замолчать.

Все были ошеломлены, ошеломлены тем, что сказала Сяо Я Дань.

Чи Юнь Чен первым пришел в себя.

Он холодно посмотрел на Ху Юцзяо и мрачно спросил ее: "Это ты велела ей так сказать?!"

Сердцебиение Ху Юцзяо неудержимо участилось, и она начала безудержно паниковать.

Ху Юцзяо втайне глубоко вздохнула и покачала головой. С недовольным видом она сказала: "Это была не я. Я не делала этого Третий Брат. Я понятия не имею, почему Сяо Я Дань хотела так запятнать мое имя, но я никогда не просила ее об этом".

Она посмотрела на Сяо Я Дань и сказала: "Почему ты пытаешься так опорочить мое имя, Сяо Я Дань? Что я такого сделала тебе, что заставило тебя захотеть сделать это со мной?"

Стоявший рядом с ней Ли Цуй Хуа тоже широко раскрыла глаза.

Она потрясенно посмотрела на Ху Юцзяо, затем сразу же встала на сторону Ху Юцзяо и сказала:

"Это, должно быть, Су Ман-эр. Это Су Ман-эр сказала Сяо Я Дань запятнать твое имя. Не волнуйся, Юцзяо, мы все здесь сегодня ради тебя. Мы не позволим Су Ман-эр преуспеть в ее заговоре против тебя!"

"Тетя. Не кажутся ли ваши слова немного эксцентричными?"

Когда Сяо Я Дань размазала мое имя, сказав, что у меня были отношения с Чжао Дашунем в хижине, ты сказала, что она наверняка говорила правду и настаивала на том, что у меня был роман.

Теперь, когда Сяо Я Дань очистила мое имя и сказала, что за всем этим стоит Ху Юцзяо, ты сказала, что это я пыталась повесить это на Ху Юцзяо?

Ха-ха, я думаю, что бы я ни делала сегодня, это все будет моя вина, верно?

Я полагаю, вы полны решимости так или иначе повесить это на меня?" - холодно сказала Су Ман-эр Ли Цуй Хуа, бросив на нее насмешливый взгляд.

Толпа посмотрела на Су Ман-эр и встала на ее сторону: "Правильно, Ли Цуй Хуа, почему ты такая эксцентричная? Ты не можешь быть таким человеком".

"Да, Ли Цуй Хуа, даже если тебе не нравится Су Ман-эр, ты не можешь так поступить с ней. Ты просто хочешь все свалить на нее. Это несправедливо, тебе не кажется?"

"Я..."

Ли Цуй Хуа хотела добавить что-то еще, когда Сяо Я Дань выудила из кармана монету в 50-центов и бросила ее на землю, громко крича: "Я не пыталась запятнать имя сестры Юцзяо. Это были пятьдесят центов, которые сестра Юцзяо дала мне, и я возвращаю их ей сейчас!"

Сказав это, она снова схватилась руками за голову и пробормотала: "Нет, не отрезай мне язык. Иди к сестре Юцзяо".

Чи Юнь Чен посмотрел на 50-центовую монету, затем сделал шаг вперед и поднял ее.

Он оглядел ее спереди и сзади. Внезапно его лицо потемнело, и он сказал Ху Юцзяо: "Эта монета, которую я тебе дал. Деньги, которые я тебе дал, каким-то образом оказались у Сяо Я Дань, что ты можешь сказать в свое оправдание?!"

Ху Юцзяо хотелось покачать головой и продолжить разыгрывать свою карту жалости.

Чи Юнь Чен, с другой стороны, указал на очень расплывчатый иероглиф "Юань", который был нацарапан на монете, и сказал:

"На этой монете есть иероглиф "Юань". Вероятно, он был нанесен на него кем-то, кто использовал эту монету в прошлом. Я отчетливо помню эту отметину! Ху Юцзяо, что семья Чи когда-либо сделали тебе? Что заставило тебя захотеть так подставить мою жену?!"

<http://tl.rulate.ru/book/64213/1777700>